

ИЗУЧЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ (1945–1990)

В. А. АНДРЕЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Рассматриваются место и роль культурологической советологии в системе западногерманского остфоршунга в период с 1945 по 1990 г. Сделан вывод о том, что внимание к феноменам социалистической культуры СССР, в первую очередь к художественной литературе, было обусловлено дефицитом достоверных источников о развитии идеологического противника в рамках холодной войны, стремлением к выявлению скрытых тенденций социально-политического развития СССР, расцветом социальной истории, культурным поворотом в социогуманитарных исследованиях и интересом политической элиты и широких слоев населения ФРГ к «экзотической» советской культуре. Тематизируется институциональное оформление культурологической советологии, обозначившееся концентрацией исследований этого профиля на кафедрах славистики и восточноевропейской истории, а также в специализированных научно-исследовательских организациях.

Ключевые слова: остфоршунг; художественная культура; Советский Союз; Западная Германия; литература; советология; культурологическая советология.

STUDY OF THE SOVIET ARTISTIC CULTURE IN THE SYSTEM OF THE WEST GERMAN SOVIETOLOGY (1945–1990)

V. A. ANDREYEVA^a

^aBelarusian State University,
Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article envisages place and role of the Soviet cultural studies in the system of the West German Ostforschung in the period of 1945–1990. The paper concludes that attention towards the phenomena of the socialist culture of the USSR, particularly of the belles-lettres, was determined by the shortage of reliable sources about the development of the ideological opponent in the framework of the Cold War, intention to detect the hidden tendencies of the social-political development of the USSR, flourishing of the social history, cultural turn in humanities and social sciences and by the interest of the political elite and the wide circles of the FRG's population towards the exotic Soviet culture. The article also thematizes institutional formation of the Soviet cultural studies, which was marked by the concentration of this research at the chairs of slavistics and East European history as well as at the specialized research organizations.

Key words: Ostforschung; artistic culture; Soviet Union; West Germany; literature; sovietology; Soviet cultural studies.

Образец цитирования:

Андреева В. А. Изучение советской художественной культуры в системе западногерманской советологии (1945–1990) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Гісторыя. 2017. № 1. С. 72–76.

For citation:

Andreyeva V. A. Study of the Soviet artistic culture in the system of the West German sovietology (1945–1990). *J. Belarus. State Univ. Hist. Sci.* 2017. No. 1. P. 72–76 (in Russ.).

Автор:

Виктория Анатольевна Андреева – кандидат исторических наук; преподаватель кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Viktoryia Andreyeva, PhD (history); lecturer at the department of Modern and Contemporary history, faculty of history.
andreyevava@bsu.by

Советология, сформировавшаяся в странах Запада после окончания Второй мировой войны и начала холодной войны, представляла собой попытку систематизации научных и околонучных знаний и представлений о Советском Союзе и отдельных социалистических республиках, входивших в его состав.

Представляемое в свете тематического и методологического новаторства, ориентации на актуальность и практическое применение результатов исследований в политической плоскости [1, S. 268], в ФРГ это направление было тесно связано с традицией остфоршунга (нем. *Ostforschung* 'исследование Востока'). Главным содержательным элементом данного направления в периоды Веймарской республики и национал-социализма являлось изучение истории и актуальных вопросов развития немецких этнических общин, проживавших на территориях Центральной и Восточной Европы. После 1945 г. остфоршунг пережил настоящий ренессанс в Западной Германии, что в значительной степени было обусловлено возвращением к работе в университетах и научно-исследовательских институтах ученых, активно развивавших это направление до Второй мировой войны. Кроме того, возрождению остфоршунга способствовало выселение этнических немцев из Венгрии, Польши, СССР, Чехословакии и Югославии и обострение противоречий между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции [2, S. 31]. Таким образом, к этноцентричной перспективе этого направления добавилась антикоммунистическая.

Следует отметить, что среди западногерманских ученых и общественности не было единого мнения относительно того, как определить границы понятий «остфоршунг», «советология» и «остойропафоршунг» (нем. *Osteuropaforschung* 'исследование Восточной Европы'). Некоторые ученые отвергали термин «остфоршунг», который, по их мнению, обозначал нечетко очерченное с географической и научной точек зрения направление, дискредитированное в период национал-социализма в Германии [3, S. 186–187; 4, S. 807–808].

В статье об остфоршунге в ФРГ, вышедшей в 1975 г., редактор телерадиокомпании «Немецкая волна» (*Deutsche Welle*) Хельмут Кёниг отмечал, что вопрос о том, кто из исследователей относится к советологическому направлению, спорный. Если среди ученых старшего поколения превалировало мнение, согласно которому основными представителями остфоршунга являются слависты, то в 1970-х гг. выразителями идей этого научного направления считали себя преимущественно историки [4, S. 792]. Таким образом, вопрос об отнесении исследований западногерманских ученых к остфоршунгу и (или) советологии был неоднозначным. При этом, на наш взгляд, при рассмотрении истории изучения СССР в Западной Германии в период

с 1945 по 1990 г. понятия «советология» и «остфоршунг» целесообразно считать синонимичными.

В системе западногерманского остфоршунга можно выделить такие направления, как политические исследования (кремленология), изучение экономических, социальных и демографических процессов, правовой системы, научно-образовательного пространства, религиозной жизни и художественной культуры Советского Союза.

Западногерманская культурологическая советология, направленная преимущественно на изучение советской литературы и изобразительного искусства, развивалась в рамках различных дисциплин, в первую очередь славистики и восточно-европейской истории. В рассматриваемый период в Западной Германии институционально оформились и активно развивались университетские и внеуниверситетские советологические центры, занимавшиеся исследованиями в этой области. Среди них Институт Восточной Европы при Свободном университете Берлина (*Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin*), Институт по изучению СССР (*Institut zur Erforschung der USSR*) в г. Мюнхене, Институт русской и советской культуры имени Ю. М. Лотмана Рурского университета г. Бохума (*Lotman-Institut für russische und sowjetische Kultur der Ruhr-Universität Bochum*), Исследовательский центр Восточной Европы (*Forschungsstelle Osteuropa*) в г. Бремене, а также Федеральный институт восточных и международных исследований (*Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien*) в г. Кёльне.

Определенную роль в развитии культурологической советологии сыграли расцвет социальной истории в 1960–80-х гг., а также культурный поворот в социогуманитарных исследованиях и развитие новой культурной истории, ярко проявившиеся в мировом научном пространстве с 1970-х гг. Тематически и концептуально пересекаясь с иными советологическими направлениями, культурологическая советология заняла собственную нишу в системе остфоршунга. Этому способствовал стойкий интерес со стороны государственных структур, исследователей и общественности ФРГ к особенностям советского культурного строительства и культурного производства по социалистическому образцу.

Как отмечала немецкий исследователь Текла Кляйндинст, значительным фактором, способствовавшим развитию остфоршунга (остойропафоршунга), как и других региональных исследовательских направлений, было недовольство со стороны западногерманских ученых недостаточной осведомленностью об изучаемом регионе [5, S. 2]. Если экстраполировать данный тезис на культурологическую советологию, то можно предположить, что развитие этого исследовательского направления опиралось на недостаток знаний о тех или иных феноменах культурной жизни СССР. Однако

в связи с данным предположением закономерно возникает вопрос о том, могла ли эта причина быть единственным фактором, обусловившим столь пристальное внимание западных ученых к феноменам советской культуры.

На наш взгляд, кроме интереса к исследованию культуры, покрытой флером таинственности и экзотизма, значительному развитию этого ответвления советологии способствовало стремление к изучению идеологического противника в рамках холодной войны, и этот фактор был решающим. Не имея достаточного объема сведений о СССР, ученые из ФРГ пытались выявить актуальные тенденции политического, экономического и в наибольшей степени социального развития этого государства с помощью изучения советской культуры [6, с. 64].

Как утверждал историк Дитрих Байрау в статье «Страх и любопытство. Советский Союз в исторических исследованиях Федеративной Республики Германия во время холодной войны», культурная продукция Советского Союза, особенно художественная литература, рассматривалась западногерманскими исследователями в качестве «сейсмографа» проблем и отклонений в социальном развитии СССР [7, S. 227]. В свою очередь, Карл-Хайнц Руффманн отмечал, что противостояние между капиталистической и социалистической системами не в последнюю очередь осуществлялось с помощью культурной политики, и успехи или неудачи той или иной их модели должны были оказывать устойчивое влияние на ход и итог соревнования систем [8, S. XXIII–XXIV].

На недостаточный объем достоверной информации о Советском Союзе указывал также Хельмут Кёниг, который утверждал, что поступающие из стран Восточной Европы публикации необходимо было рассматривать более критично, чем это обычно происходило в рамках научного исследования [4, S. 802]. Однако ученый делал оговорку о том, что его утверждение относится не ко всем источникам, и отмечал, что, например, в «Литературной газете» «зачастую можно черным по белому прочесть, что будет актуально через два года»¹ [4, S. 803]. Этот тезис подчеркивает неоспоримо большое значение исследований советской культуры в западногерманском научном пространстве, которые, кроме прочего, были призваны выявить наиболее важные, острые и злободневные вопросы развития советского общества и государства. Таким образом, недостаток достоверных публикаций о политическом и социально-экономическом развитии СССР привел к привлечению исследователями из ФРГ альтернативных источников информации, в частности советской художественной литературы. Культурные преобразования, а также изменения в официальной культурной политике Советского Союза

трактовались как своеобразные индикаторы социальных тенденций и общественных настроений, а также достижений и просчетов советской власти и социалистического строя.

Особое значение результаты исследований остфоршунга имели для консультирования органов государственного управления и представителей истеблишмента. Остфоршунг и советология ФРГ балансировали в 1949–1990 гг. между научными поисками исследователей и политическим заказом со стороны государства и общественности, выступавших зачастую спонсорами проводимых исследований. Очевидно также, что у тех или иных ученых и организаций в зависимости от профиля их деятельности, выполняемых задач и источников финансирования перевес мог сдвигаться в сторону науки или политики.

Известный западногерманский советолог, специалист в области сравнительной педагогики О. Анвайлер полагал, что политическая функция восточноевропейских исследований состояла в том, чтобы просвещать общественность в вопросах, входивших в компетенцию данного научного направления. При этом, по мнению ученого, такое консультирование должно было представлять собой не нейтральное изложение рассматриваемых явлений, но и не декларирование некоего единственно верного мнения или провозглашение той или иной политической линии [3, S. 191].

При проведении исследований в рамках остфоршунга ученым, как правило, необходимо было владеть славянскими языками. Для объективного изучения политики, экономики, общества, культуры, а также иных аспектов развития советского государства в западногерманском научном пространстве часто озвучивался вопрос о расширении преподавания этих языков. Так, Немецкое общество по изучению Восточной Европы совместно с руководителями кафедр славистики и восточноевропейской истории с 1950-х гг. содействовало расширению преподавания славянских языков, иногда достигая определенных успехов в данной сфере [4, S. 790]. В свою очередь, для реализации этого замысла большое значение имело знакомство обучающихся с литературными произведениями стран Центральной и Восточной Европы, что также, на наш взгляд, способствовало развитию культурологической советологии.

Следует отметить, что в Западной Германии после Второй мировой войны кафедра славистики работала только в Мюнхенском университете имени Людвига-Максимилиана. Однако в течение 1940–80-х гг. аналогичные кафедры возникли в 23 ведущих университетах в городах Берлине (1948, Свободный университет Берлина), Гёттингене и Кёльне (1949), Гамбурге, Майнце и Марбурге (1952), Бонне (1953),

¹Здесь и далее перевод наш. – В. А.

Франкфурте-на-Майне (1956), Эрлангене, Мюнстере и Вюрцбурге (1958), Киле и Саарбрюкене (1959), Фрайбурге, Гиссене и Тюбингене (1962), а также в университетах городов Бохума (1965), Констанца (1966), Маннгейма (1967), Регенсбурга (1968), Пассау (1976), Бамберга (1978) и Трира (1980) [9, S. 44]. Открытие большого числа кафедр славистики, занимавшихся в том числе изучением русской и советской литературы, свидетельствует о проявлении в рассматриваемый период устойчивого интереса со стороны западногерманских ученых к этим феноменам.

Если в конце 1940-х – начале 1950-х гг. западногерманские слависты исследовали преимущественно произведения русской классической литературы XIX – начала XX в., то с конца 1950-х гг. в университетах и иных научных центрах культурологической советологии началась новая исследовательская фаза, характеризовавшаяся анализом не только классических, но и современных русскоязычных литературных произведений, в том числе соцреалистических [10, S. 44–51]. Этот поворот представлял собой новый шаг в развитии славистики в ФРГ, обозначая ее тесную связь с советологией (остфоршунгом).

Отдельно следует отметить отношение западногерманских исследователей к неконформистской литературе и изобразительному искусству СССР. Наряду с выявлением скрытых социальных процессов в Советском Союзе и общественного мнения, противоречившего социалистической идеологии, исследователей из ФРГ интересовали сами феномены самиздата и культурного неконформизма.

Как утверждал Вольфганг Айхведе, диссидентство было частью советской системы, поскольку «нерешительное и постоянно находящееся под угрозой расширение личного пространства являлось результатом социального развития и способов функционирования системы» [11, S. 62]. Процессы индивидуализации личности в рамках социума, защиты личного пространства, формирования и отстаивания индивидуумами своих персональных интересов отчетливо проявились во второй половине XX в. в различных странах мира. Не чужды были эти процессы и СССР, где они проходили в неразрывной связи с развитием самого социалистического строя, а также с положением дел на международной арене.

Кроме того, в западногерманском научном пространстве высказывалось мнение о том, что в 1960-х гг. литературный неконформизм начал превращаться в своего рода движение за права человека, что обусловило политизацию и криминализацию неконформистской литературы [8, S. XXI]. В связи с этим произведения писателей и художников советского андеграунда коллекционировались и тщательно изучались на Западе. Своеобразным местом сбора для советских неконформистов и их трудов являлся основанный в 1982 г. в г. Бремене Исследовательский центр Восточной Европы.

После окончания Второй мировой войны начали создаваться или возрождаться западногерманские кафедры восточноевропейской истории, внесшие значительный вклад в изучение советской художественной культуры. Так, уже в 1946 г. французские оккупационные власти открыли кафедру этого профиля в Майнцском университете имени Иоганна Гуттенберга. Кроме того, центрами университетского исторического остфоршунга (остойропафоршунга) после 1945 г. стали Гамбург, Гёттинген и Марбург [5, S. 7]. Как и в случае со славистикой, на 1950–60-е гг. пришелся расцвет восточноевропейской истории в ФРГ.

В 1949 г. начало свою деятельность Немецкое общество по изучению Восточной Европы, опиравшееся на традиции основанного в 1913 г. Отто Хётцшлем Немецкого общества по изучению России [12, S. 321]. На ежегодном конгрессе организации вопросы советской художественной культуры обсуждались в рамках секций «Идеология» и «Культура». В 1951 г. общество возобновило издание журнала «Остойропа» (*Osteuropa*), впервые увидевшего свет в 1925 г. [3, S. 183].

До настоящего времени этот журнал является крупным периодическим изданием, публикующим аналитические материалы о политическом, экономическом, социальном и культурном развитии стран Восточной и Центральной Европы. Неотъемлемым элементом этих публикаций выступает сравнительная перспектива [13], опирающаяся на традицию межсистемных компаративистских исследований второй половины XX в.

По отношению к исследуемому периоду специалист в области культурологической советологии Карл Аймермахер на основе анализа трудов и биографий отдельных исследователей выделил четыре модели восприятия русской и советской культуры и передачи знаний о ней в западно- и восточногерманском научном пространстве: 1) модель мозаики, предполагающая наличие определенных представлений о художественной культуре, которые при необходимости могут, как мозаика, выстраиваться в комплексную иерархическую смыслообразующую структуру; 2) модель передачи – попытка реконструкции духовного мира русского и советского общества и передачи этих знаний немецкому читателю в доступной форме; 3) просветительская модель Льва Копелева – развенчание распространенных мифов и стереотипов о рассматриваемой культуре с помощью научно-популярных публикаций; 4) модель научного познания – восприятие, основанное на научном подходе, и последующая передача знаний как соответствующего опыта из одного культурного пространства в другое [14].

Указанная статья Карла Аймермахера, опубликованная в 2011 г., на наш взгляд, представляет собой рефлексию рецепции русской и советской культуры и трансляции знаний о ней в 1945–1990 гг. в ключе

современных трендов интерпретативного и переводческого поворотов в социогуманитарном знании. Кроме того, примечательным является то, что автор рассматривает западно- и восточногерманскую традиции изучения русской и советской культуры как единое немецкое научное пространство в этой предметной области, без акцентирования внимания на риторике холодной войны. Позиция ученого заключается в том, что русская и советская культура

была интересна научному сообществу и широкой общественности как в ФРГ, так и в ГДР.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изучение советской художественной культуры занимало значимое место в системе западногерманской советологии (остфоршунга), поскольку исследования этого профиля открывали дополнительную возможность выявления актуальных тенденций развития советского общества и государства.

Библиографические ссылки

1. Unger C. R. Ostforschung in Westdeutschland. Die Erforschung des europäischen Ostens und die Deutsche Forschungsgemeinschaft, 1945–1975. Stuttgart, 2007.
2. Oberländer E. Das Studium der Geschichte Osteuropas seit 1945 // Geschichte Osteuropas. Zur Entwicklung einer historischen Disziplin in Deutschland, Österreich und der Schweiz 1945–1990. Stuttgart, 1992. S. 31–38.
3. Anweiler O. 25 Jahre Osteuropaforschung – Wissenschaft und Zeitgeschichte // Osteuropa. 1977. Heft 3. S. 183–191.
4. König H. Ostforschung – Bilanz und Ausblick // Osteuropa. 1975. Heft 8/9. S. 786–814.
5. Kleindienst T. Die Entwicklung der bundesdeutschen Osteuropaforschung im Spannungsfeld zwischen Wissenschaft und Politik. Marburg, 2009.
6. Андреева В. А. Западногерманские научные центры по изучению системы образования, художественной литературы и изобразительного искусства СССР (1949–1990 гг.) // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2013. № 2. С. 64–69.
7. Beyrau D. Angst und Neugier. Die Sowjetunion in der historischen Forschung der Bundesrepublik während des Kalten Krieges // Osteuropa. 2013. Heft 2–3. S. 211–235.
8. Ruffmann K.-H. Einleitung // Kulturpolitik der Sowjetunion / hrsg. von O. Anweiler, K.-H. Ruffmann. Stuttgart, 1973. S. XI–XXIV.
9. Schmid O. Ende und Neubeginn der Philologie. Perspektiven für die literaturwissenschaftliche Slavistik // Osteuropa. 2013. Heft 2–3. S. 31–54.
10. Eimermacher K. Die Rezeptionsmechanismen russischer Prosa-Literatur in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts in Deutschland // Russische Literatur als deutsch-deutscher Brückenschlag (1945–1990) / hrsg. von C. Fischer. Jena, 2010. S. 35–60.
11. Eichwede W. Abweichendes Denken in der Sowjetunion // Geschichte und Gesellschaft. 1987. Jarg. 13, Heft 1. S. 39–62.
12. 30 Jahre «Osteuropa» // Osteuropa. 1955. Heft 5. S. 321–322.
13. Zeitschrift Osteuropa [Electronic resource]. URL: <http://www.dgo-online.org/publikationen/osteuropa> (date of access: 27.09.2016).
14. Eimermacher K. Modelle kultureller Wahrnehmung und ihre Funktionalisierung // Kultur und/als Übersetzung. Russisch-deutsche Beziehungen im 20. und 21. Jahrhundert / hrsg. von C. Engel, B. Menzel. Berlin, 2011. S. 21–37.

References

1. Unger C. R. Ostforschung in Westdeutschland. Die Erforschung des europäischen Ostens und die Deutsche Forschungsgemeinschaft, 1945–1975. Stuttgart, 2007 (in Ger.).
2. Oberländer E. Das Studium der Geschichte Osteuropas seit 1945. In: *Geschichte Osteuropas. Zur Entwicklung einer historischen Disziplin in Deutschland, Österreich und der Schweiz 1945–1990*. Stuttgart, 1992. P. 31–38 (in Ger.).
3. Anweiler O. 25 Jahre Osteuropaforschung – Wissenschaft und Zeitgeschichte. *Osteuropa*. 1977. Vol. 3. P. 183–191 (in Ger.).
4. König H. Ostforschung – Bilanz und Ausblick. *Osteuropa*. 1975. Vol. 8/9. P. 786–814 (in Ger.).
5. Kleindienst T. Die Entwicklung der bundesdeutschen Osteuropaforschung im Spannungsfeld zwischen Wissenschaft und Politik. Marburg, 2009 (in Ger.).
6. Andreyeva V. A. West German Academic Centres of Research on the System of Education, Literature and Art of the USSR (1949–1990). *J. Int. Law Int. Relat.* 2013. No. 2. P. 64–69 (in Russ.).
7. Beyrau D. Angst und Neugier. Die Sowjetunion in der historischen Forschung der Bundesrepublik während des Kalten Krieges. *Osteuropa*. 2013. Vol. 2/3. P. 211–235 (in Ger.).
8. Ruffmann K.-H. Einleitung. *Kulturpolitik der Sowjetunion*. Stuttgart, 1973. S. XI–XXIV (in Ger.).
9. Schmid O. Ende und Neubeginn der Philologie. Perspektiven für die literaturwissenschaftliche Slavistik. *Osteuropa*. 2013. Vol. 2–3. P. 31–54 (in Ger.).
10. Eimermacher K. Die Rezeptionsmechanismen russischer Prosa-Literatur in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts in Deutschland. In: *Russische Literatur als deutsch-deutscher Brückenschlag (1945–1990)*. Jena, 2010. P. 35–60 (in Ger.).
11. Eichwede W. Abweichendes Denken in der Sowjetunion. *Geschichte und Gesellschaft*. 1987. Vol. 13, issue 1. P. 39–62 (in Ger.).
12. 30 Jahre «Osteuropa». *Osteuropa*. 1955. Vol. 5. P. 321–322 (in Ger.).
13. Zeitschrift Osteuropa [Electronic resource]. URL: <http://www.dgo-online.org/publikationen/osteuropa> (date of access: 27.09.2016) (in Ger.).
14. Eimermacher K. Modelle kultureller Wahrnehmung und ihre Funktionalisierung. In: *Kultur und/als Übersetzung. Russisch-deutsche Beziehungen im 20. und 21. Jahrhundert*. Berlin, 2011. P. 21–37 (in Ger.).

Статья поступила в редколлегию 03.10.2016.
Received by editorial board 03.10.2016.